

РАССКАЗЫВАЮТ НЕМЕЦКИЕ И АВСТРИЙСКИЕ ЕВРЕИ, ВОЕВАВШИЕ В ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ СОЮЗНИКОВ

К 1940 году около 280 000 евреев покинули Германию и еще 117 000 – Австрию. Из 95 000 немецких и австрийских евреев, иммигрировавших в Америку, около 9 500 служили в ВС США. Около 13 000 еврейских беженцев – мужчин и женщин – служили в ВС Великобритании. Их знания, жизненный опыт и свободное владение немецким языком пригодились армиям стран, которые их приняли.

Арнольд Паукер (Arnold Pauker), бывший беженец из Германии, ставший солдатом Британской армии, писал: «Страшно говорить об этом, но, в какой-то степени, нам, немецким евреям, повезло в том, что мы были первыми, за кого взялся Гитлер. Это значило, что большая часть из нас сумела бежать и иммигрировать [в другие страны] вовремя и что среди этих людей было много представителей молодого поколения. Когда разразилась война, многие из них были людьми призывающего возраста, которые рассчитывали на то, что у них будет возможность сражаться против нацистской Германии.»

Вниманию читателей – несколько историй, рассказанных этими людьми.

Зигмунд Шпигель (Zigmund Spiegel)*

1-я Пехотная Дивизия, разведотдел, ВС США

Фотография Зигмунда Шпигеля (1919-2016), сделанная в Северной Африке. Он прибыл в США в 1938 году. Награжден Бронзовой Звездой и медалью Пурпурное Сердце.

В начале августа 1944 года оборона противника в Нормандии была прорвана. После падения Сен-Ло/St. Lô линия фронта стала подвижной. 7 августа, когда стало известно, что близ Майена/Mayenne захвачен германский штаб, нашу группу отправили в распоряжение Управления Разведки (G-2 – Intelligence Section) 3-й Армии. Когда мы добрались туда, линия фронта снова переместилась, и вместо этого нам пришлось направиться в сторону Фалеза/Falaise... Мы спустились в какую-то долину по узкой проселочной дороге, когда к нам стали приближаться рыгающие звуки немецких автоматов. Тогда я сказал своему капитану, которого звали Кёртс (Curts), что в долине слишком тихо. Потрескивание автоматных очередей делало всю ситуацию несколько жутковатой, я даже припоминаю, что в тот момент использовал немецкое слово *unheimlich/тревожно*.

И тут разверзся ад. Прошли, может, секунды, может, минуты, когда я поднял голову и огляделся. Наш искореженный джип стоял поперек дороги, я был от него ярдах в 20. Капитан Кёртс лежал на дороге, казалось, его ноги в армейских башмаках вздулись и разорвали кожу. Капрал Тромбли (Trombley) скorchился в кювете, из его правой руки хлестала кровь... Сначала я подумал, что в джип попал артиллерийский снаряд. Я склонился над капитаном, чтобы оказать ему первую помощь, пока Тромбли привязывал шину к своей руке. Тут я понял, что мы подорвались на мине. Услышав голоса говоривших по-немецки неподалеку от меня, я пошел назад...

Меня отправили в полевой госпиталь с контузией, травмами колена и ребер и ожогами. Капитану раздробило обе ноги. Лежу на койке в палатке, и тут контратака немцев, в ходе которой они захватили один из наших полевых госпиталей. Колонны санитарных машин привезли тяжелораненых *GI*, которых разместили на носилках прямо на полу. Увидев это, я пошел к администратору госпиталя и попросил, чтобы меня выписали, поскольку был в несравненно лучшем состоянии по сравнению с теми, которым не досталось коек.

В то утро к нам приехал рассыльный и привез пачку газет *Stars and Stripes*, только что привезенных из Англии. В газете я прочел то, что меня чрезвычайно обрадовало: Русская Армия освободила Львов – польский город, в котором жили мои родители, когда о них было слышно в последний раз. Разумеется, тогда я еще не знал о том, что случилось с евреями, включая моих бедных родителей...

Тут в нашу палатку девушка из Красного Креста вошла и спросила, нужны ли нам бумага для письма, лезвия для бритв или что-то еще из того, что у нее было под рукой. Я спросил ее: «Вы ведь из американского Красного Креста? Вы в контакте с Международным Красным Крестом?» Когда она кивнула, я показал ей заметку в газете, передал имена моих родителей, их последний известный мне адрес во Львове и попросил незамедлительно начать их поиск через Международный Красный Крест. Она взглянула на меня, словно я контуженный, не ожидая того, что раненый солдат станет волноваться о чем-то, происходившем на фронте, стать далеком от передовой линии в Западной Европе. Прошло 69 лет, а я все еще жду...

Генри Киссинджер (Henry Kissinger, нем. имя – Хайнц Альфред Киссингер/Heinz Alfred Kissinger)

335-й Пехотный Полк, 84-я Пехотная Дивизия, дивизионный штаб, разведотдел, ВС США

Я отправился за океан в составе 84-й Дивизии. Сначала это была Англия, потом я оказался во Франции, где мы высадились на пляже Омаха/Omaha в начале сентября, после прорыва в Нормандии. Затем, в ноябре, мы отправились на фронт, к границе с Германией и Бельгией, и наш был прикомандирован к 30-й Пехотной Дивизии для приобретения боевого опыта.

Боевые действия обычно не представляют из себя ничего интересного, и дело это крайне скучное, сменяющееся моментами крайней опасности, но на очень короткое время. Первоначально я попал на фронт в качестве стрелка. Как-то раз я был занят на чистке уборной, и произошел случай, который изменил все. Вообще, человек, занятый уборкой сортира, был обязан также присматривать за находившейся в комнате отдыха картой положения на фронте. В этом время появился наш генерал, проводивший инспекцию, и сказал мне следующее: «Солдат, подойдите сюда и разъясните мне, что вы видите на карте», что я и сделал. Он говорит: «Что вы делаете в стрелковой роте?». Должно быть я ответил так: «Не знаю, получил сюда назначение.» Итак, когда мы еще стояли у линии фронта, он отдал приказ перевести меня к нему в штаб, но сделали это не сразу, так что я остался на передовой.

Киссинджер (справа) с двумя товарищами и счастливыми немецкими детьми

После того, как нас вывели из подчинения 30-й Дивизии, я прибыл в дивизионный штаб, в разведотдел (G-2). Там мои обязанности заключались в сборе [и проработке немецких] документов и участии в допросе пленных, хотя главной моей задачей было обеспечение безопасности, отлов шпионов и предотвращение попадания наших документов в руки противника.

Когда я получил более или менее постоянное назначение в контрразведку, меня откомандировали в дивизионный штаб, который был еще ближе к линии фронта... После этого боевые действия закончились. Я был отправлен в провинциальную Германию, в один из районов, расположенных в зоне американской оккупации. Это было близ Франкфурта, местное население там насчитывало около 2 000 человек. Я был обязан поддерживать там режим безопасности и арестовывать всех нацистов [с должностями и званиями] выше определенного уровня. У меня было право арестовать любого, если я считал это нужным с точки зрения безопасности, что было странным, так как [мои и их роли] роли поменялись местами. Само собой, ни один из немцев не признавался в том, что когда-то был нацистом.

В Германии ничего не работало: не работали почта, телефон, никакой связи не было – полная катастрофа. Мы, армейский

персонал, имели телефонную связь с военными постами, но никто не мог позвонить кому-нибудь немцу. Продовольствия не хватало, процветал жуткий черный рынок. Сегодня трудно себе представить, как общество может развалиться до такой степени. Тогда, если бы кто-нибудь показал мне фотографии с видами германских городов в наши дни, я был сказал следующее: «Вы не в своем уме. На то, чтобы расчистить эти развалины, уйдет 30 лет.»

В какой-то момент возвращение в Германию в качестве солдата-победителя принесло мне некоторое чувство удовлетворения, ведь я видел побежденными людьми, когда-то преисполненных чванства и высокомерия. Но, в общем и целом, я чувствовал, что у меня есть работа, которую я должен выполнять и которую я считал довольно интересной. Меня всегда интересовала внешняя политика, но я всегда старался держаться подальше от нее, насколько это было возможно.

Черный рынок. Германия, лето 1945 года. Гражданские немцы заняты бартером с советскими военнослужащими, выменивая у них продукты, сигареты, спиртное и прочие дефицитные вещи.

После капитуляции первое, что я сделал, было попыткой выяснить, уцелел ли кто-то из членов моей семьи, но таких не оказалось. Я посетил город, где я вырос, где раньше жили мои дедушка с бабушкой, это было в чем-то эмоциональным испытанием. Потеряв членов моей семьи, убитых нацистами, я был настроен довольно враждебно по отношению к последним, но при всем этом арестовывать людей, видеть рыдающих жен и детей не было игрушками. По меньшей мере, для меня это не было забавой. Это приносило мне абстрактное чувство удовлетворения, но не на личном уровне.

Для нас, немецких беженцев, уход на войну был чем-то таким, что, как мы чувствовали тогда, было необходимостью, но также и тем, от чего мы не могли получать никакого удовольствия, после того, что случилось с нами. Тем не менее, как я думаю теперь, это был самый важный опыт в жизни для меня.»

Джек Хохвальд (Jack Hochwald, 1924, Австрия - 2004)

6860 HQ Detachment (Штабной Отряд), Штурмовая Группа/Assault Force, 7-я Армия, ВС США

Во вторую неделю марта все отряды переправились через Рейн благодаря храбрости, проявленной всей пехотной ротой. Произошло это в [Ремагене](#), переправлялись мы по последнему из остававшихся целыми мосту. Армейские инженеры под огнем навели мосты еще в нескольких местах, что способствовало стремительному продвижению вглубь Германии.

...Мы были на пути к нашей первой крупной цели для нашей разведывательной миссии в Германии. Это был [промышленный комплекс компании] *I.G. Farben*, расположенный в находившихся вплотную друг к другу городах Людвигсхафен/Ludwigshafen и Маннхайм/Mannheim. Вскоре мы узнаем, что заводы этой компании были тесно вовлечены в военные усилия Германии и на них также производился газ *Zyklon B*, использовавшийся в концентрационных лагерях, но, как предполагалось, руководители компании не были в курсе того, в каком масштабе он использовался в газовых камерах нацистов. Ворвавшись в административный корпус, мы застали врасплох директоров, которые проводили заседание правления.

У нас было очень много задач, - в наши цели входило все, что имело отношение к вопросам разведки, но мы двигались так быстро и были прикомандированы к частям, наступавшим в таком темпе, что не могли останавливаться в одном месте больше чем на день. Мы оказались в секторе 45-й Дивизии, которая наступала на Мюнхен и которая вошла на территорию концлагеря Дахау. Так случилось, что мне повезло, и я попал под начало лейтенанта Зальцмана (Salzman), еще одного [бывшего] беженца, который предложил заехать в это место и предложить нашу помощь.

В поздние послеполуденные часы мы увидели ограду из колючей проволоки и сторожевые вышки и остановились у главных ворот, над которыми был помещен лозунг *Труд Делает Свободным/Arbeit Macht Frei*. Когда мы попытались проехать через них, как нам подошел офицер и сказал, что существует реальная опасность эпидемии тифа и большей части армейского персонала въезд запрещен. Мы решили немного проехаться вдоль ограды и увидели [бывших] заключенных в полосатых робах, которые махали нам руками.

Увидев это, мы вышли из машины и направились к группе людей, собравшихся вокруг костра. Мы попытались заговорить с этой группой, но возникли проблемы, потому что это были сербы и хорваты. Вскоре после этого подошли еще несколько заключенных, говоривших по-немецки и на идише, так что мы смогли пообщаться с ними.

Один из них, со *Зеездой Давида* на одежде, спросил нас, когда прибудут раввины, поскольку он хотел прочитать [кадиши](#). От него мы узнали, что за день до этого прибыли первые американские солдаты, ворвались вовнутрь и перебили из пулеметов и винтовок всех немецких охранников, попавших им под руку. Потом он показал на несколько вагонов, стоявших на железнодорожной ветке в паре сотен ярдов от нас. Вскоре нас окутал смрад, но мы сумели разглядеть через полуоткрытые двери вагонов людские останки, превратившиеся в скелеты и просто кости. Нам сказали, что это была только часть недавно прибывшей из другого лагеря [Бухенвальд] партии грузов из людей, умерших по пути от голода и болезней.

Когда мы уезжали, один из заключенных-евреев подошел к нам и негромко спросил, кто эти солдаты, которые выглядят как азиаты и мексиканцы и которых они увидели день назад. Мы сказали ему, что все они – хорошие американские парни и что среди нас также есть люди, бежавшие всего несколько лет назад от нацистов. Он посмотрел на нас в недоумении, но потом понял, кто мы. Он признался нам, что вместе с несколькими товарищами по бараку рассчитался с кое-кем из [капо](#), в особенности с теми, кто жестоко

обращался с заключенными. Мы дали ему понять, что он и его товарищи-заключенные поступили правильно и что мы сделали бы то же самое, если бы попали туда раньше.

Трупы людей, умерших по дороге в Дахау...

Когда окончилась война, мы воссоединились с основными силами 7-й Армии в Хайдельберге/Heidelberg. Под давлением общественности и прессы генерал [Эйзенхауэр](#) (Dwight David Eisenhower) приказал провести операцию *Tally-Ho*, под которой понимали неожиданные рейды в те места в Баварии, где на чердаках и в сельскохозяйственных постройках предположительно укрывались эсэсовцы.

Может быть, стоит отметить, что большая часть из тех, у кого во время допросов пытались выяснить, что они дели 9 ноября 1938 года в [Хрустальную Ночь/Kristallnacht](#), когда многие еврейские дома были разграблены, синагоги сожжены и тысячи евреев арестованы и отправлены в концлагеря, отвечала, что они сидели *дома/zu haus*. Полная чушь.

Хэролд Баум (Harold Baum)

97-я Пехотная Дивизия, 386-й Полк, ВС США

Уроженец Берлина Харольд Баум прибыл в США через Португалию в 1940 году

Я впервые побывал в настоящем бою близ Дюссельдорфа и принимал участие в кампании по ликвидации Рурского Котла в апреле 1945 года.

Наш первый бой имел место в Нойсе/Nois. Моя рота получила приказ отправиться на разведку на лодках через Рейн в район Дюссельдорфа. В каждой лодке было по шесть GI, у всех постоянно был понос, всем было страшно. Я пригибал голову пониже, пока мы занимались рекогносцировкой под огнем противника, потом вернулся назад, к лодкам. Мы возвращались на западный берег Рейна, немцы с восточного берега яростно обстреливали нас. За этим, само собой, последовала попытка разобраться, откуда летят артиллерийские снаряды и навести на позиции противника минометы. Самым пугающим за все 60 дней, которые я провел в тех боях, была неопределенность в вопросе о том, откуда по нам ведут артогонь.

По счастью, в нашей роте были отделения легких пулеметов, тяжелых пулеметов и минометов. Эти парни делали свое дело наилучшим образом после того, как идентифицировались цели. Однажды мы прошли через позиции немецких 88-мм зениток: наши разведчики засекли их на рассвете и навели на них минометы. Их просто покрошили. 88-миллиметровки были страшным оружием, - их использовали для стрельбы прямой наводкой по нам вместо самолетов...

Было нелегко видеть, как какой-нибудь паренек падает рядом с тобой, убитый или раненый. Я не буду даже пытаться объяснить ту злость, который я испытывал, когда видел немецких солдат, выходящих из засады с белыми флагами. Что и говорить, были моменты, когда мы не брали пленных... Мы столкнулись с фанатичным сопротивлением немцев в [Рурском Котле](#), в особенности, со стороны мальчишек 14-15 лет от роду, жаждущих умереть за Фюрера и Фатерлянд. Иногда мы видели людей, болтающихся на деревьях – они были повешены эсэсовцами. На шее у них были таблички: Я – предатель/Ich bin ein feigling. Это только разжигало во мне [соответствующие] чувства.

В Золингене/Solingen я приобрел уникальный опыт, когда на наш командный пункт пришла немецкая дама и сказала, что знает, где прячется немецкий генерал. Капитан сказал: «Лейтенант Уинсэм (Winsam), сержант Миллер (Miller), Баум – идите и заберите его.» Мы окружили дом. В нем оказался человек средних лет, и я начал его допрашивать. В почти нахальном, высокомерном тоне, даже не поднявшись, он сказал: «Я – генерал [Густав-Адольф фон Цанген](#) (на фото слева). Безо ненужных церемоний я сказал ему *Hände hoch*, навел на этого сукина сына винтовку, и тот стал пепельно-бледным. Потом я сказал ему: «Я – немецкий еврей/Ich bin ein Deutscher Jude», и это повергло его в ужас. Он не мог поверить тому, что его взял в плен какой-то малолетний *ид/uid*, один из пяти миллионов GI. Винтовка, нацеленная на высокомерного офицера, была мощным орудием убеждения. Это было приятное чувство.

Фон Цанген был генерал-лейтенантом, командующим 15-й Армейской Группой. Вместе с лейтенантом мы отвели его в штаб дивизии, где он сдался в плен в соответствии с протоколом, как положено солдату, что вызвало у меня тошнотворное чувство: для меня он был нацистом, а не солдатом. Генерал Холзи (Milton B. Halsey, 1894-1990, на фото справа), командир 97-й Дивизии, допросил его, используя меня в качестве переводчика.

После того, как мы заняли Золинген, мы увидели там русских подневольных рабочих, которые после освобождения стали

отыгрываться на немцах. Те стали искать у нас защиты от них, но, как вы можете себе представить, мы отказались, и расплата не заставила себя ждать.

После завершения Рурской кампании нас перебросили в южную Германию, откуда мы начали марш в направлении Чехословакии. На западной границе Чехословакии мы натолкнулись на концентрационный лагерь [Флоссенбург](#)/Flossenbürg и освободили один из небольших лагерей, входивший в эту систему. Там мы увидели множество умирающих, изголодавшихся людей. Это было ужасно, и тот смрад и тот запах смерти я не забуду никогда. Там были и упитанные заключенные, которые носили те же арестантские робы. Я безуспешно попытался заговорить с ними по-немецки, один паренек из моей роты стал говорить с ними по-русски и по-польски, но они и этого не поняли. Мы не могли вникнуть в ситуацию. Мой капитан решил раздеть их и обнаружил у них под мышками татуировки с группой крови, что было обычным для эсэсовцев. Их отправили на массовые захоронения, чтобы они могли принять участие в выгрузке и укладке трупов, но они не дожили до стадии расследования военных преступлений. Оправданием того, что с ними сделали, был тот факт, что они сменили форму, что, согласно Женевской конвенции, было наказуемым преступлением. Они так и остались в тех могилах...

Манфред Штайнфельд (Manfred Steinfeld, 1924, Йосбах, Германия - 2019)

82-я Воздушно-десантная Дивизия, Штабная Рота, ВС США

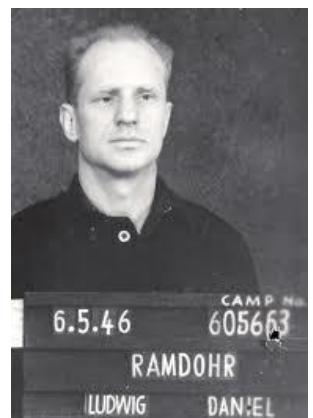

После того, как было остановлено немецкое контрнаступление, нас отправили назад, во Францию, в базовый лагерь. В середине марта мы получили назначение в недавно сформированную 9-ю Армию, которая в то время занимала позиции на берегу Рейна близ Кельна. Мы пробыли там до середины апреля, когда 82-я Воздушно-десантная Дивизия создала последний плацдарм вдоль реки Эльба. 2 мая 1945 года я был в разведывательном патруле, который вступил в контакт с русскими. 3 мая 82-я Дивизия приняла капитуляцию около 400 000 немцев, находившихся напротив нашего сектора. Тогда я был также занят переводом документов о безоговорочной капитуляции:

Мы также наткнулись на рабочий лагерь в Вёббелине/Wöbbelin – филиал более крупного концентрационного лагеря [Нойенгамме](#)/Neuengamme. Я, определенно, был под стрессом, находясь на территории лагеря, потому что там всегда имелась вероятность того, что я

увижу среди мертвых или полуживых людей своих мать и сестру. Это было единственным, чего я боялся. Когда мы обнаружили трупы людей в лагере, мы решили похоронить их на площади соседнего городка. Я организовал процедуру погребения, и американский капеллан прочел заупокойную молитву.

Немцы, само собой, считали, что мы относимся к ним несправедливо, обвиняя их в этих преступлениях, и это при тех обстоятельствах, что они жили всего в трех милях от лагеря. Они клялись, что не знали ничего об этих зверствах. Тогда мы не знали, что это было типичной отговоркой для немцев. В июне, когда я был военным комендантом городка под названием Бузенберг/Busenberg, ко мне подошла женщина в концлагерной полосатой одежде. Она сообщила мне, что человек, переходящий улицу, является преступником, так что мы арестовали и допросили его. Выяснилось, что его звали Людвиг Рамдор/Ludwig Ramdohr (на фото справа) и что он был заместителем

коменданта печально известного женского лагеря [Равенсбрюк/Ravensbrück](#), в котором эта женщина была одной из заключенных. Мы отвели его на наше стрельбище, где поддержали его под дулами наших пистолетов какое-то время, после чего отдали его под трибунал британцам. Он находился у них под следствием, а через три года был повешен.

Манфред Штайнфельд (справа) среди советских солдат и офицеров на реке Эльба. 2 мая 1945 года

Эрик Бём (Eric Boehm, 1918-2017)

ВВС США

Поскольку немецкоговорящих офицеров не хватало, меня одолжили армейскому командованию в качестве переводчика для осуществления ареста фельдмаршала [Кейтеля](#) (Wilhelm Keitel). Генерал Рукс (Lowell Ward Rooks, 1893-1973), представитель Эйзенхауэра, вызвал Кейтеля на корабль, на котором мы находились, чтобы сообщить ему о необходимости упаковать личные вещи и быть готовым к вылету из Фленсбурга/Flensburg через несколько часов.

Около 14.00 того же дня подполковник Карл Бём-Теттельбах/Karl Boehm-Tettelbach (1910, Портленд, штат Орегон – 2001, США) и адъютант штаба Кейтеля появились у трапа нашего корабля и подобрали меня, чтобы направиться в главный штаб Люфтваффе (Oberkommando der Luftwaffe). Мы коротко обсудили с подполковником совпадение наших фамилий, позднее я узнал у своего отца, что эта семья происходит из Верхней Франконии – части Баварии, где родился и я. Я, пожалуй, не был намерен вести какие-то разговоры, так или иначе, потому что меня обуревали довольно резкие чувства, особенно по отношению к фельдмаршалу Кейтелю. Он был известен как лакей Гитлера, но в то время я не знал, что его подвергают аресту в предвидении [Нюрнбергского процесса](#), в ходе которого он будет приговорен к смертной казни через повешение. И он заслужил это, потому что был одним из самых зловещих персон, служивших Гитлеру...

Довольно большому числу генералов разрешили проводить Кейтеля в аэропорту, и наш генерал Рукс предоставил для этого четыре штабные автомашины. Я был удивлен количеством багажа, который Кейтель взял с собой – кузов грузовика был заполнен

половиной чемоданов, некоторые из которых имели немалый размер. Помню, там был один ящик размером с добрый сундук.

Фельдмаршал Кейтель подписывает акт о безоговорочной капитуляции. Берлин, 8 мая 1945 года

Когда мы прибыли в аэропорт, оказалось, что самолет, на котором Кейтель должен был отправиться в пункт назначения, сначала приземлился, а потом улетел, чтобы люди на борту могли поглазеть на Копенгаген с воздуха. Непонятно было, когда он вернется. Поскольку это был необычно теплый день, я организовал дело так, чтобы вся группа могла разместиться в одной из казарм. Было очевидно, что Кейтель раздражен необходимостью сидеть и ждать. Не понимая до конца, в каком положении он теперь находится, фельдмаршал проявил тупость и сказал мне что-то по поводу того, что ему пришлось в спешке паковать свои вещи, а теперь ему придется ждать. Я проигнорировал это и, определенно, не стал извиняться, но, оглядываясь в прошлое, думаю: надо было сказать ему, что мы ждали его шесть лет, так что теперь он может подождать несколько часов.

Эрик Бём, уроженец города Хоф/Ноф. Его отец, Карл Бём, был дважды ранен на фронтах ПМВ

Наконец С-47 вернулся, и его экипаж был готов к транспортировке Кейтеля. Позднее его поместили в одну из крепостей, которую мы прозвали *Урной/Dustbin*. Я снова увидел его во время Нюренбергского процесса, уже сидя в зале. Кейтель, рост которого по моим подсчетам, составлял 6 футов и 4 дюйма (193 см), а вес – 250 фунтов (113 кг), выглядел так, словно он уменьшился как в размерах, так и в значимости, находясь под судом как военный преступник.

Джон Бранзук (John Brunswick, немецкое имя – Ханс Брауншвайг/Hans Braunschweig), ВС США

15-й Корпус, 3-я Армия

Из-за сильного сопротивления немцев, замедлившего наше наступление, мы задержались на две недели в небольшом французском городке Жербевиллер/Gerbéviller, где временами были плотно заняты допросами немецких военнопленных, которых приводили к нам в штаб. Потом случилось что-то совсем необычное. Я сидел с одной стороны стола с одним из наших парней, когда в комнату ввели пленного. Перед допросом он должен был вывернуть свои карманы и показать свои армейские документы, в которых были указаны его имя личный номер. Это был Мартин Лоок (Martin Look), который сказал, что родился в Бохольте/Bocholt. Я учился в школе вместе с Мартином Лооком четыре года и даже побывал в его доме. И вот я снова встретил его, спустя где-то лет 25, и не мог узнать его. Сомневаюсь, что он узнал меня, и, определенно, он не имел возможности задавать какие-либо вопросы американскому офицеру. Где-то в течение полминуты меня так и подымало спросить его, стоит ли у них на кухне дровяная печь...

Потом я решил, что не только не хочу знать о том, был он членом нацистской партии или нет, но что я не хочу появления каких-либо слухов среди других военнопленных, так что я отправил его восвояси, как и остальных. Позднее я узнал от моих бывших соседей в Бохольте, что Мартин говорил кому-то о том, что Ханс Брауншвайг был американским офицером, который его допрашивал. Я до сих пор сожалею, что не сказал ему, кто я, во время допроса...

Еще один допрос, который я живо помню, происходил в более спокойных условиях немного раньше, в конце 1944 года. Человек, которого я допрашивал, казался интеллигентным и заслуживающим доверия. Он раньше служил в части, название которой может быть переведено как *штрафная рота*. Получив от него всю необходимую мне информацию о вооружении, офицерах и полках, которых он сражался, я спросил его, как он оказался в штрафной части. Он сказал: «Я был на Восточном фронте, близ Риги, в Латвии. Эсэсовцы согнали вместе тысячи евреев – мужчин, женщин, детей. Они заставили их вырыть траншеи, раздеться и построиться так, чтобы после расстрела их тела падали в траншее. Так продолжалось день за днем. Людей было так много, что эсэсовцам понадобилась помощь, и они обратились за ней к регулярным армейским частям. Я отказался, и за это был отправлен в штрафной батальон.»

В то время как я уже слышал о концлагерях, не имея доступа ко всем текущим новостям, рассказ о массовых убийствах был чем-то большим чем то, что я мог себе представить. Я немедленно отправил рапорт по этому допросу в штаб дивизии и также прямо в штаб корпуса, откуда, как я рассчитывал, он уйдет в вышестоящие штабы. Я сохранил копию этого допроса в своих бумагах, хотя это противоречило всем армейским инструкциям, потому что был в шоке.

Мы захватил [Юлиуса Штрайхера](#) (Julius Streicher). Это был оголтелый антисемит с садистскими наклонностями. Его газета *Штурмовик/Der Stürmer* печатала самые безобразные карикатуры на евреев и самую отвратительную ложь о них, агитировала

людей за насилие по отношению к ним. Его заключили в тюремную камеру, я допросил его, после чего его отправили куда-то еще для более детального допроса.

В ходе допроса Штрайхера я, к своему удивлению, услышал от него о том, что он был другом евреев и, как и сионисты, просто хотел отправить их всех в Палестину. Я задавал вопросы, в изумлении слушал его ответы и вел записи. Его слова звучали настолько смехотворно и жалко, что я даже не чувствовал ненависти к нему. В Нюрнберге его приговорили к смертной казни как военного преступника и повесили

Я получил приказ прибыть в штаб 15-го Корпуса, находившийся прямо на окраине Мюнхена, рано утром 5 мая. По ходу я узнал, что меня выбрали на должность официального переводчика для процедуры принятия капитуляции всех немецких сил на юге Германии. В ней принял участие немецкий генерал Фридрих Фёртш (Friedrich Foertsch, 1900-1976) который был начальником штаба у [Альберта Кессельринга](#) (Albert Kesselring), командующего германскими силами в Италии, Австрии и Южной Германии, там присутствовали шестеро американских генералов, включая [Джейкоба Диверса](#) (Jacob Devers). Переговоры с немцами были долгими: офицеры хотели остаться во главе своих частей, хотели оставить при себе личное оружие и т.п., но ничего не добились. В конце концов я, еврейский беженец, который восемь лет назад покинул свою родину, спросил у этого высокопоставленного генерала: «Вы понимаете, что это означает безоговорочную капитуляцию?» С крайней неохотой, через какое-то время, генерал выдавил из себя: «Да, я понимаю.» Так или иначе, этот момент я буду с радостью вспоминать до конца своих дней.»

1-й лейтенант Джон Бранзук, второй справа, в качестве переводчика. Генерал Фридрих Фёртш (в центре) подписывает акт о капитуляции

Джон Штерн (John Stern)

397-й Пехотный Полк, 100-я Пехотная Дивизия, ВС США

397-й Полк стал частью оккупационных войск в Штутгарте и его окрестностях на несколько месяцев. До этого мы провели на линии фронта 192 дня с небольшими перерывами.

Находясь в Штутгарте, я сумел раздобыть джип, а один польский лейтенант из роты надзора за рабочими/labor supervision company поехал со мной в качестве телохранителя, когда я решил посетить место моего рождения, Марбург/Marburg, стоявший на реке Лан/Lahn. Я также заехал в Баттенберг/Battenberg, где родилась моя мать, и в Гильзеберг/Gilseberg, где мои родители жили до переезда во Франкфурт. В Гильзеберге я встретил некоторых из тех, кого знал раньше, с кем ходил в школу до 1933 года, и это было интересным, потому что нашлось немало людей, которые тепло приветствовали меня. Фамилия моего деда была Гуткинд/Gutkind, и они когда-то звали меня *Gutkind's Hans*. Было очевидно, что они поражены тем, что я стал американским солдатом и вернулся. Одна женщина сказала: «Ты никогда не выглядел, как еврей. Ты всегда был таким хорошим.» Все остальные восприняли мой приезд сдержанно. Они думали, что мы собираемся отобрать у них всю их собственность.

Я искал членов моей семьи в Марбурге. Никто не сказал мне о них ни слова. Мы знали о том, что дядя, тетя, кузен и маленькая кузина были депортированы в [Терезиенштадт](#)/Theresienstadt и там погибли. В годы Холокоста Штерны потеряли 26 близких и дальних родственников. Это само по себе повлияло негативно на мое настроение во время визита в родные места.

Капитан и лейтенант из нашей части устроили дел так, что я был переводчиком, когда опрашивали немецких чиновников, таких как мэры городов, шефы полиции, военные. Несколько месяцев я проработал переводчиком. Когда в штаб приводили бургомистров и задавали им множество вопросов, я участвовал в этом. В большинстве мест немцы бесконечное число раз просили сигарет и сигар, но я ни разу не дал им ни того, ни другого...

Карл Голдсмит (Karl Goldsmith, немецкое имя - Goldschmidt)

142-я Группа Допроса Военнопленных (IPW - Interrogation of Prisoner of War Team), ВС США

Когда закончилась война, я незамедлительно подал рапорт с просьбой о привлечении меня к участию в денацификации моего родного города. Я страстно хотел быть при этом, ведь когда я был ребенком, они выколотили из меня всю душу... Я заработал хорошее отношение к себе со стороны множества старших офицеров, потому что оказал им немало услуг, когда работал переводчиком на допросах. В итоге, я добился перевода, и, насколько я знаю, я был единственным из переводчиков, кому это удалось.

Первым, чего я хотел, было изгнание этих проклятых учителей-нацистов из школ. Я стал напряженно работать над тем, чтобы выправить все, [что было искажено.] Это был мой город, Эшвеге/Eschwege, - сады, леса, тропы, холмы, друзья и враги, бар-мицвы, вечеринки, побои, нацистские факельные шествия, Хрустальная Ночь и то, как в 1942 году подошел конец 600-летнему существование еврейского населения города.

Будучи военным комендантом, я в самом деле ... верил в закон и порядок. Я находил нацистских преступников, и они оказывались за решеткой. Кроме того, мы навели в городе чистоту. Все меня знали, и, естественно, люди приходили и просили меня сделать им одолжение в чем-то, но я ничего не делал. Я не собирался относиться к кому-то по-особенному - лучше, чем к другому. Старые знакомые приходили и говорили что-то вроде:

«О, ты помнишь Аналие/Analie?» Понятное дело, я помнил Аналие – она жила через четыре дома от нас. «Ну, знаешь, она ждет ребенка с минуты на минуту, а живет она на третьем этаже. Ты нам не поможешь?» Я отвечал так: «Сожалею, но ничем в этом деле помочь не могу.» А что мне было делать? Создавать неудобства одному несчастному немцу за счет другого несчастного немца? Я был ошарашен тем, что у этих людей хватало наглости идти ко мне и говорить такое, когда я знал, что они сотворили со мной и со моей семьей. Мог ли я забыть о тех, кого сожгли в концлагерях?

Один из бывших соседей называл меня *Некоронованным Королем/Der Ungerkronte König*. Я жил неплохо, в плане общения с людьми все было прекрасно. Сомневаюсь, что мой отец одобрил бы все это, но я не скомпрометировал себя и ничем не опозорил свою новую родину или свою семью.

Года через два, когда я вернулся в Америку, в Эшвеге съездила моя матушка, чтобы позаботиться об оставшейся там нашей собственности. Вернувшись назад, она сказала: «Карл, ни в коем случае не возвращайся больше в Эшвеге: они убьют тебя.»

Манфред Ганс (Manfred Gans, 1922-2010)

3-й Отряд, 10-й Батальон Командо, ВС Великобритании

Я был полностью настроен на то, чтобы узнать поближе, что такое война, и чтобы быть на месте событий, когда Германия будет освобождена от нацизма. Очень часто я размышлял о том, что могло случиться с моими родителями, и временами это вгоняло меня в сильную депрессию.

В конце 1944 года я получил весточку от моего дяди из Нью-Йорка, который узнал у друга семьи, проживающего в Швейцарии, о том, что ходят слухи, что мои родители живы и находятся в лагере *Терезиенштадт*. 7 мая я уговорил командование моей части дать мне джип и водителя, чтобы я мог съездить туда и найти родителей. Находясь в Германии, я старался прокладывать свой маршрут по местам, которые были мне знакомы. По сути дела, я пытался выскочить на ведущий на восток автобан как можно быстрее. Мне не было страшно. Я в большей степени беспокоился о тормозах джипа, чем о том, как бы не заехать за передовую линию противника. Когда мы с водителем добрались до Ауэ/Aue, оказалось, что разрушений в городе нет и он не был разграблен мародерами. На улицах находились тысячи немецких полицейских и солдат. Две с половиной немецкие дивизии все еще не капитулировали... Мы проехали через многочисленные позиции немцев, на которых было полно людей. Там были и заслоны на дорогах с находившимися в отличном состоянии противотанковыми пушками, но никого из расчетов рядом с ними не было, стрелять из них никто не собирался. Они, попросту говоря, давали нам проехать.

Вскоре мы подобрали раненого немецкого солдата и его подругу, поскольку я чувствовал себя в большей безопасности, имея в машине таких людей. Все немцы, с которыми я сталкивался по дороге, пытались выяснить, могут ли они сдаться лично мне, и я говорил им: «Нет, не можете. Вы воюете с русскими, вот им и сдавайтесь.»

Какая-то немка сказала: «Знаете, русские изнасилуют всех, настолько они жестоки. Как вы можете так поступать с нами?» Я довольно резко ответил: «Это то, что вы тоже делали в России и Польше. Вы вели себя очень жестоко.» Они отреагировали на это так: «Среди любого народа есть дурные люди.» Я помню, как подумал вот о чем: «Что за чертовщину я несу здесь, где находятся последние две немецкие дивизии, которые еще не капитулировали!»

Когда мы спустились с гор на территорию Чехословакии, мы наткнулись на части Русской армии. Это было незабываемо! Они были так счастливы видеть нас! Вы бы не поверили в их энтузиазм – они раньше встречали только освобожденных из плена американцев и британцев, но ни разу не видели офицера в машине, с оружием, и они буквально сходили с ума от радости. Большая часть **военных полицейских** были женщинами, и все они заключали нас в объятья.

Когда мы натолкнулись на русских, мне оставалось проехать еще сотню миль, но мы хорошо проводили время. Русские продвигались в противоположном направлении, но траффик был не очень плотным. Мы продолжали радоваться жизни и проехали эту сотню миль за два с половиной часа. К вечеру мы добрались до *Терезиенштадта*. Лагерь был огорожен колючей проволокой, снаружи были русские часовые. Я подошел к ним, и снова все были счастливы видеть нас. После всех рукопожатий, поздравлений, похлопываний по спинам и слов о том, как здорово было встретить друг друга, я сказал им о том, что мне нужно. Шлагбаум поднялся, и мы въехали в лагерь. Там оказалось огромное количество людей, все было просто забито ими, большинство из них были слишком слабы, чтобы сдвинуться с места и дать нам пройти. Он буквально проползали у нас между ног.

Я не знал, с чего начать поиски. Кто-то дал мне знать о том, что в лагере был центральный регистрационный пункт, так что я направился туда. В лагере, только что освобожденном от немцев, само собой, сохранялся строгий порядок в плане наличия списков и так далее. Нашлась девушка, говорившая по-английски, и я сказал ей, что ищу родителей – Моритца и Эльзе Ганс. Имевшиеся списки были бесконечными, однако через несколько мгновений она подняла голову и сказала: «Вам повезло, они все еще здесь. Они живы.» Я сказал ей: «Хорошо, сделаем так. Вы покажете мне, где они, не откладывая.» Она села к нам в джип, и мы подъехали к зданию, где, согласно регистрационному списку, жили мои родители. Они жили на втором этаже в голландской части гетто. Я сказал девушке подняться наверх и сказать им, что их сын здесь, но сначала немного подготовить их к этому. Сам я остался ждать на улице.

Она вошла в дом, потом нашла их и сказала им: «У меня для вас есть радостная новость.» Моя мать спросила: «Нам собираются выдать дополнительные пайки?» Девушка ответила: «Нет, ваш сын здесь.» Я стоял на улице, в темноте, и, может, через минуту, вышли мои родители. Само собой, они были в состоянии, которое невозможно описать словами. Мой отец был настолько истощен, что, если бы я встретил его где-то на улице, я бы не узнал его...

Одна из освобожденных узниц Терезиенштадта Инге Ауэрбахер (Inge Auerbacher, род. в 1934 году) у памятника маршалу П.С. Рыбалко, солдаты которого освободили этот лагерь

Курт Кляйн (Kurt Klein, 1920-2002)

5-я Пехотная Дивизия, ВС США

Когда мы добрались до границы Германии и Чехословакии, со мной случилось то, что называют *встречей с судьбой/rendezvous with destiny*. Мы натолкнулись на группу людей, которые до этого были подневольными рабочими – молодые еврейские женщины из Польши и Венгрии. Их бросили эсэсовские охранники – дело было в городе, капитуляцию которого приняли всего за несколько дней до конца войны. Мы услышали о них и знали, что должны отправиться к ним вместе с медиками из нашего санитарного батальона и оказать им какую-то помощь.

Войдя в задние фабрики, где эсэсовцы заперли их, я встретил молодую женщину, стоявшую у входа. Она провела меня вовнутрь после того, как я попросил ее об этом. Она произвела на меня впечатление, но была на грани полного истощения и даже один раз упала. Наши санитары отвезли всех девушек в полевой госпиталь, который нашелся в городе. Так я встретил ее, знакомство получило развитие, и год спустя мы поженились в Париже.

Я отправился в Европу, чтобы сражаться с нацистами, преисполненный ненавистью к ним за все то, что они безо всякой нужды сотворили с евреями и с остальным миром. Мне пришлось увидеть результаты того, что они сделали с моим народом, и на 95% я был уверен в том, что мои родители не пережили войну. Так оно и было, но лично для меня все это стало ключом к будущему. Я горжусь тем, что послужил Соединенным Штатам так, как смог. Ничто не заставит меня чувствовать себя счастливее, чем то, что был полезен Америке после всего того, что она дала мне, то, что я могу жить свободно. Я живу с чувством сожаления о том, что мои родители не сумели выбраться оттуда (*погибли в Освенциме – ВК*), в противном случае я был бы полностью счастлив...

Эпилог

Среди еврейских беженцев, сражавшихся в ВС Великобритании, нередко упоминают троих авиаторов. Питер Стивенс (наст. имя - Georg Franz Hein, 1919-1979, на фото справа) служил в бомбардировочной эскадрилье. В 1941 году его самолет был сбит над Амстердамом. Стивенс попал в плен, неоднократно пытался бежать и был освобожден в 1945 году. Кен Эдам (Kenneth Adam, 1921-2016) служил в истребительной эскадрилье и принимал участие в штурмовке наземных целей в Нормандии и в районе Фалезского котла. Его брат, Денис Эдам, также служил в Королевских BBC.

Еврейские беженцы воевали не только на Североафриканском и Европейском театрах военных действий, но и в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Среди них достойно упоминания имя Уоррена (Вернера) Катца (Warren Katz, 1919-2006). Он воевал на Новой Гвинее, позднее оказался в Бирме, в бригаде, ставшей известной под названием Мародеры Меррилла/Merrill's Marauders, был ранен. Награжден Бронзовой звездой и медалью Пурпурное сердце.

Немецкие евреи служили также в вооруженных силах британских доминионов, но это – отдельная история.

- ♣ При транскрибировании имен и фамилий, если в оригинальном тексте не было соответствующих указаний, использовалось звучание, близкое к немецкому.

Основной источник

<https://warfarehistorynetwork.com/article/the-german-and-austrian-jews-of-the-allied-army/>

Статья написана автором на основе книги Стивена Карраса (Steven Karras) *The Enemy I Knew* (Zenith, 2009)

Прочие источники

<https://warfarehistorynetwork.com/article/henry-kissingers-world-war-ii/>

[https://en.wikipedia.org/wiki/Peter_Stevens_\(RAF_officer\)](https://en.wikipedia.org/wiki/Peter_Stevens_(RAF_officer))

<https://lflank.wordpress.com/2021/05/25/the-german-fighter-pilot-who-flew-for-the-raf/>

https://en.wikipedia.org/wiki/Ken_Adam

Перевод, компиляция, литературная обработка – Владимир Крупник

Возрат к главной странице – www.warsstory.org